

**Этнокультурная идентичность
как фактор социальной стабильности
в современной России**

Материалы Круглого стола

**Под редакцией
академика РАО, доктора
психологических наук
Ю.П. Зинченко,
кандидата психологических наук
Л.А. Шайгеровой**

**в 2-х томах
Том 1**

**Москва
МГУ
2016**

УДК 316.613
ББК 74.04 (2)
З 63

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда,
проект № 15-18-00109*

Научные рецензенты:

Донцов А.И. – доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ермаков П.Н. – доктор биологических наук, профессор, академик Российской академии образования, научный руководитель Южного федерального университета по направлению «Психология и педагогика», заведующий кафедрой психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики ЮФУ

Караяни А.Г. – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой психологии Военного университета Министерства обороны РФ, заслуженный деятель науки РФ

Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России / Под редакцией Ю.П. Зинченко, Л.А. Шайгеровой. В 2-х томах. Том 1. – Москва: Факультет психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 2016. – 226с.

Авторский коллектив:

Зинченко Ю.П., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Кипиани А.Ю., Долгих А.Г., Ваханцева О.В., Горшкова С.В., Макарчева Е.Б., Ушков Ф.И., Черный Е.В., Меладзе Д.Г., Мотовилова Н.В.

В представленных в сборнике статьях отражены промежуточные результаты исследований, выполненных авторами по проекту «Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности: разработка системной модели изучения и формирования позитивных межэтнических и межконфессиональных установок с позиции постнеклассической парадигмы (с использованием технологии виртуальной реальности и аппаратных программных комплексов)», поддержанному Российским научным фондом проект № 15-18-00109 (руководитель Ю.П. Зинченко). Результаты исследований обсуждались на Круглом столе, состоявшемся 29 июня 2016 года на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

ISBN 978-5-383-01065-5
ISBN 978-5-383-01072-3

©*Факультет психологии Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, 2016*

СОДЕРЖАНИЕ

Реализация первого этапа проекта «Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности: разработка системной модели изучения и формирования позитивных межэтнических и межконфессиональных установок с позиции постнеклассической парадигмы (с использованием технологии виртуальной реальности и аппаратных программных комплексов)» 5

Зинченко Ю.П.

Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности: в поисках продуктивного подхода 23

Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А.

Понятие социальной стабильности в психологии и социальных науках 45

Шилко Р.С.

Показатели социальной стабильности: проблема разнообразия и поиск принципов систематизации.....76

Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Зинченко Ю.П., Ушков Ф.И., Черный Е.В., Макарчева Е.Б., Горшкова С.В.

Разработка и адаптация комплексной психодиагностической методики изучения этнокультурной идентичности (ЭКИ): методологические принципы и технические решения.....150

Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Солдатова Г.У., Шилко Р.С., Кипиани А.Ю., Ваханцева О.В., Меладзе Д.Г., Долгих А. Г., Мотовилова Н.В.

Сравнительные результаты исследования когнитивного компонента этнокультурной идентичности россиян в четырёх субъектах Российской Федерации: общее и особенное.....194

Шайгерова Л.А., Зинченко Ю.П., Шилко Р.С., Кипиани А.Ю., Ваханцева О.В.

Сведения об авторах 223

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНОГО
КОМПОНЕНТА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН В ЧЕТЫРЁХ
СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ***

**Шайгерова Людмила Анатольевна,
Зинченко Юрий Петрович,
Шилко Роман Сергеевич,
Кипиани Александр Юрьевич,
Ваханцева Ольга Вадимовна**

МГУ имени М.В.Ломоносова

Аннотация. В статье представлены отдельные результаты пилотажного исследования, направленного на изучение этнокультурной идентичности, проведенного в четырёх субъектах Федерации, расположенных в различных округах Российской Федерации. Основное внимание уделено изучению когнитивного компонента этнокультурной идентичности в структуре этнокультурной идентичности россиян с учётом региональной специфики. Было показано, что в условиях культурного, этнического и конфессионального разнообразия современного российского общества содержание этнокультурной идентичности определяется как общероссийским контекстом, так и спецификой социокультур-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00109.

ной ситуации конкретных субъектов Федерации.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, когнитивный компонент, этнокультурное разнообразие

Введение

Несмотря на не спадающий интерес с середины прошлого века к проблеме исследования идентичности и многочисленные попытки создания теорий и моделей в этой области, до сих пор единого мнения о содержании идентичности, в том числе, о содержании этнокультурной идентичности, не сложилось. Исследования в этой области отличаются многообразием подходов, разрозненностью и противоречивостью результатов. Представление о том, какие именно элементы входят в структуру идентичности, варьируют от одной теории к другой: привязанность к группе, вовлеченность, следование принятому поведению, установки, ценности и верования, значимость принадлежности к группе и т.д. (Ashmore et al., 2004), хотя практически всеми авторами признается наличие когнитивного, поведенческого и аффективного компонентов идентичности.

Когнитивный компонент, как правило, рассматривается в качестве ключевого элемента системы этнокультурной идентичности. Крайние позиции даже полностью сводят этничность или этническую идентичность к когнитивной структуре, которая делит людей на группы в соответствии с тем, как они воспринимают общее происхождение, коллективную па-

мять, символы культуры, определяющие их принадлежность (Roth, 2015).

Особое внимание уделяется рассмотрению когнитивного компонента идентичности в теории социальной идентичности — когнитивистского направления изучения идентичности (Tajfel, Turner, 1986; Turner, 1987; Turner, Onorato, 1999). Согласно этой теории, когнитивный компонент, включающий в себя знания, установки, ожидания, идеи, организованные в связные интерпретации, играет роль связующего звена с эмоциональным компонентом, выражающимся в переживании принадлежности к группе в форме различных социальных чувств (привязанности, доверия, ненависти), а также с поведенческим, выступая регулятором поведения.

Нет единства и в понимании того, что именно считать когнитивным компонентом этнокультурной идентичности, какие элементы он в себя включает и как они связаны между собой. Наиболее часто указываются и изучаются такие аспекты когнитивной составляющей этнокультурной идентичности как самопредставление и самокатегоризация, представления о собственной группе (группах) и ее отличительных признаках по сравнению с другими группами, осознание степени значимости собственной принадлежности к различным группам и т.д. Важнейшим аспектом когнитивного элемента этнокультурной идентичности, безусловно, признаётся самокатегоризация. Как правило, в первую очередь самокатегоризация рассматривается в её связи с этничностью, этнической принадлежностью, и отношение к ней является важнейшим водоразделом между привер-

---

женцами примордиализма, рассматривающими этнос или народ как общность, объединенную «по крови» (Шилз, 1972; Гирц, 2004), и представителями конструктивизма, отрицающими приоритет «этнических свойств» (Андерсон, 2001; Этнические ..., 2006).

Споры о роли самокатегоризации в определении индивидом собственной этнической принадлежности ведутся давно. Концентрированно точку зрения о примате самокатегоризации выразил антрополог Фредерик Барт (Barth, 1969) утверждая, что этничность не связана с какими-либо характерными чертами или культурой, а только с практиками категоризации. Одни авторы считают, что важно не только то, как сам человек категоризирует себя и других, но и то, к какой категории относят его другие люди (Jenkins, 1997; Okamura, 1981), другие, что исключительно самоклассификация и самокатегоризация важны для определения собственной этнической принадлежности (Grubaker et al., 2004).

В условиях этнокультурно разнообразных обществ, в котором проживают представители разной этнической и расовой принадлежности, либо имеющие несколько разных корней, исповедующие различные религии, общества, к тому же пережившего кардинальные геополитические изменения, которые могут иметь разное значение для разных поколений и разных социальных групп, самокатегоризация имеет особый смысл. В таком контексте исследование самокатегоризации выходит за рамки ее изучения исключительно в связи с этнической идентичностью.

Категоризация в условиях такого общества не может выстраиваться лишь по одному основанию. На-

пример, для индивида может быть не важна или менее важна его этническая или расовая принадлежность, но особой важностью наполняется его гражданская принадлежность или конфессиональная. Важно не только то, к какой этнической группе или национальности (термин, более привычный в контексте обыденного сознания россиян) относит себя индивид, важна иерархия этих общностей как в индивидуальном, так и в групповом сознании. Для построения эффективной модели этнокультурной идентичности, соответствующей современному этапу развития науки, определяемому как постнеклассическая рациональность (Степин, 2000), необходимо дальнейшее изучение её когнитивной составляющей и определение влияния на содержание этнокультурной идентичности различных переменных.

Хотя задачей первостепенной важности остается разработка общей теории, на которую могли бы опираться исследователи при изучении этнокультурной идентичности с той целью, чтобы привести в систему разрозненные данные, сам предмет исследования требует учета конкретных социокультурных условий, так как когнитивная составляющая этнокультурной идентичности, как, впрочем, и другие ее элементы, непременно опосредуется контекстом и социокультурной ситуацией. Именно поэтому исследования этнокультурной идентичности требуют учитывать как особенности изучаемой выборки, так и конкретную социокультурную ситуацию. В условиях многонациональной, мультикультурной и многоконфессиональной современной России вопросы этнокультурного самоопределения стоят очень остро и

их решение на уровне индивида и группы определяются не только общероссийской спецификой по сравнению с другими странами, но и спецификой конкретных регионов. В данной статье будут рассмотрены результаты исследования когнитивной составляющей этнокультурной идентичности, в котором приняли участие жители разных регионов России, относящиеся к различным возрастным и социальным группам, разной этнической принадлежности и разных вероисповеданий, с учётом региональной специфики. В исследовании были поставлены вопросы о месте этнокультурной идентичности в системе общей идентичности; о тех общностях, с которыми идентифицируют себя россияне, об иерархии различных категорий в индивидуальном и групповом сознании россиян, проживающих в регионах России, социокультурная ситуация в каждом из которых имеет свою специфику. Анализ влияния на когнитивную составляющую этнокультурной идентичности других переменных (возраст, национальность, вероисповедание, пол и т.д.) будет представлен в последующих работах.

Исследование является частью пилотажного исследования, проведенного посредством специально разработанной комплексной психодиагностической методики изучения этнокультурной идентичности. Исследование проводилось в сентябре – ноябре 2014 года в четырех федеральных округах Российской Федерации: Сибирском (Кемеровская область), Южном (Ростовская область), Крымском (Республика Крым и город федерального значения Севасто-

поль)*, Северо-Кавказском (Республика Дагестан). Помимо этого, методика была апробирована на микро-выборках в двух городах федерального значения: г. Москве и г. Санкт-Петербурге. В целом было опрошено 437 человек: в Кемеровской области — 92 чел., в Республике Крым и г. Севастополе — 101 чел., в Ростовской области — 127 чел., Республике Дагестан — 71 человек, в Москве — 29 чел., в Санкт-Петербурге — 18 чел. Сравнительный анализ результатов был проведен по четырем субъектам Федерации: Кемеровская и Ростовская области, Республика Дагестан, Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Необходимо отметить, что исследование носило предварительный характер и рассматривалось как подготовительный этап для проведения в дальнейшем более масштабного и углубленного исследования, которым будет охвачено около 2000 человек в восьми федеральных округах. Таким образом, его основной целью был не углубленный анализ полученных результатов, а лишь выявление наличия имеющихся тенденций и определение необходимости их более детального рассмотрения в ходе организации и анализа результатов основного этапа исследования.

Характеристики выборки

Всего в четырех регионах было опрошено 387 человек (248 женщин и 139 мужчин), из них 127 респондентов в возрасте от 15 до 17 лет (школьни-

---

* На момент проведения исследования. В настоящее время — Южный федеральный округ РФ.

ки старших классов и выпускники), 131 респондент в возрасте от 18 до 30 лет, 75 респондентов в возрасте от 31 года до 50 лет и 52 человека в возрасте от 51 года (Таблица 1). Самому старшему респонденту было 83 года.

Таблица 1

Распределение респондентов по полу и возрасту во всех четырех регионах, где проводилось исследование (количество человек)

Возрастная группа	Пол		Всего
	Женский	Мужской	
15-17	78	49	127
18-30	86	45	131
31-50	50	25	75
51+	32	20	52
Всего	248	139	387

В качестве родного языка в четырех регионах респондентами были названы 13 языков (Таблица 2). Помимо этого, несколько человек назвали в качестве родного два языка (русский и украинский, русский и лезгинский). Большинство респондентов (79%) считают своим родным языком русский. Наибольшим языковым разнообразием отличается Республика Дагестан, где в качестве родного указаны десять различных языков.

Все опрошенные отметили, что они свободно владеют русским языком, и около трети опрошенных свободно владеют каким-либо еще языком (Таблица 3). Наибольшее количество респондентов, владеющих другим языком, отмечается в Республике Дагестан (почти 80%), где, как правило, этим языком является родной язык респондентов. В Кемеровской и Ростовской областях вторым языком свободно владеют лишь около десятой части респондентов (как правило, это английский язык), а в Крыму — около трети респондентов (украинский, крымско-татарский, английский).

Структура общей идентичности и место этнокультурной идентичности в иерархии других элементов идентичности. Для изучения содержания общей идентичности и выявления роли этнокультурной идентичности в иерархии других элементов общей идентичности респондентам было предложено пять раз ответить на вопрос «Кто Я». Методика представляет собой модификацию «Теста двадцати утверждений» (Kuhn, MacPartland, 1954), который является стандартизированным инструментом для изучения самопредставления и широко используется в исследованиях идентичности. Изначально авторами методики было выделено пять категорий для анализа результатов: 1) социальные группы и классы, 2) идеологические убеждения и верования, 3) интересы, 4) жизненные цели и устремления, 5) самооценивание (Kuhn, 1960). Впоследствии другими авторами предлагалась большая свобода выбора категорий.

В нашем исследовании особую важность представляло изучение места категорий, репрезентирующих этнокультурную идентичность в системе общей идентичности, в связи с чем была проведена дальнейшая детализация категорий, на основе которой осуществлялся контент-анализ данных респондентами ответов. Систематизация всех ответов респондентов привела к объединению их в 12 категорий: возрастная категория (подросток...)

- гендерная роль (девушка, женщина, мужчина, мальчик...)
- гражданская принадлежность (россиянин, гражданин России, гражданин своей страны...)
- личностные качества (умный, открытый, эмоциональный...),
- национальная принадлежность (аварец, русский...)
- общечеловеческая идентичность (человек, личность, индивид...)
- профессиональный статус (учитель, студент, врач...)
- региональная идентичность (житель Крыма, сибиряк)
- религиозная идентичность (мусульманин, православный, верующий...)
- семейная роль (мать, отец, муж, жена, сын, дочь, бабушка...)

Таблица 2

Язык, который респонденты считают своим родным (по регионам, в %)

№	Язык	Субъекты Федерации				Всего
		Кемеровская область	Ростовская область	Республика Крым и город Севастополь	Республика Дагестан	
1.	аварский	0	0	0	35	6
2.	армянский	1	2	1	0	1
3.	грузинский	0	0	0	1	0
4.	даргинский	0	0	0	21	4
5.	кабардинский	0	1	0	0	0
6.	каратинский	0	0	0	1	0
7.	крымско-татарский	0	0	7	0	2
8.	кумыкский	0	0	0	7	1
9.	лезгинский	0	0	0	13	2
10.	лезгинский, русский	0	0	0	4	1
11.	русский	98	96	87	14	79
12.	русский, украинский	0	0	2	0	1
13.	рутульский	0	0	0	1	0
14.	табасаранский	0	0	0	1	0
15.	украинский	0	1	3	0	1
16.	человеческий	1	0	0	0	0
	Всего	100	100	100	100	100

Таблица 3

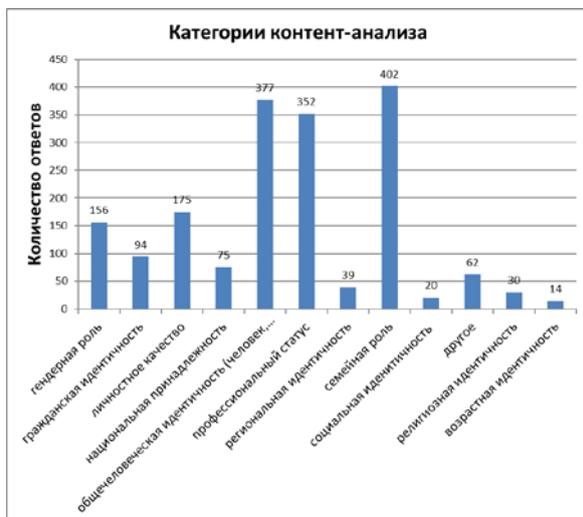
Владение каким-либо языком, помимо русского (по регионам, в %)

Язык	Субъекты Федерации				Всего
	Кемеровская область	Ростовская область	Республика Крым и город Севастополь	Республика Дагестан	
другой язык	10	12	32	80	29
только русский	90	88	68	20	71
Всего	100	100	100	100	100

- социальная роль (друг, член общества...)
- другие ответы (книголюб, вегетарианец, марксист...) – немногочисленные ответы, которых в выборке было недостаточно для объединения их в отдельные категории.

Из выделенных категорий непосредственно к системе этнокультурной идентичности были отнесены следующие категории: гражданская принадлежность, национальная принадлежность, региональная идентичность, религиозная идентичность. Было признано целесообразным рассмотреть представленность каждой из этих категорий отдельно, так как это позволило бы получить представление не только о месте этнокультурной идентичности в иерархии других идентичностей, но и об иерархической организации элементов самой этнокультурной идентичности. Контент-анализ

всех пяти ответов по всей выборке без учета влияния региона выявил следующие результаты. Наиболее часто встречающейся категорией в системе идентичности является «семейная роль» (рис. 1). Довольно часто семейная роль присутствует в нескольких ответах одного и того же респондента. Практически с той же частотой встречаются ответы, относящиеся к категориям «обще-

Рисунок 1. Распределение ответов по выделенным категориям контент-анализа (количество в абсолютных значениях, во всей выборке по пяти ответам)

человеческая идентичность» и «профессиональный статус». Следующими по представленности являются «личностные качества» и «гендерная роль».

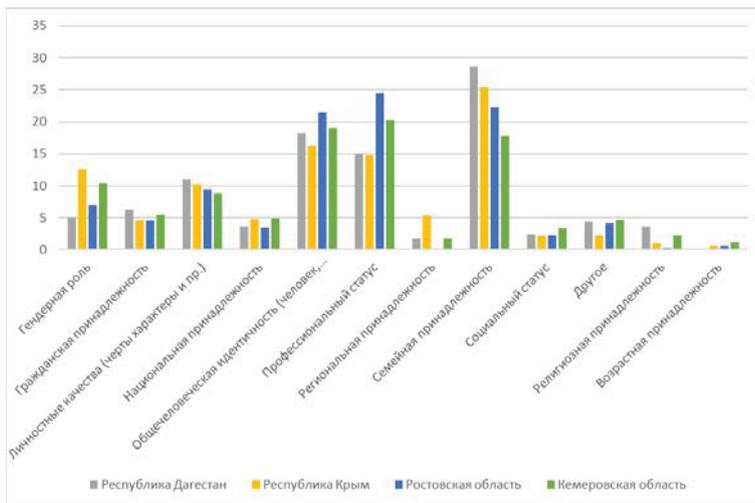
Ответы, относящиеся к *отдельным* категориям, представляющим этнокультурную идентичность — гражданской, этнической, религиозной и региональной принадлежности, встречаются в целом по выборке

значительно реже по сравнению с другими категориями идентичности. В то же время, при объединении всех категорий, относящихся к системе этнокультурной идентичности, становится понятным, что её значимость в системе общей идентичности занимает важное место — она занимает четвёртую по частоте встречаемости позицию в иерархии других категорий после семейной роли, общечеловеческой идентичности и профессионального статуса, опережая в иерархии других идентичностей личностные качества и гендерную идентичность. Данный результат подтверждает необходимость рассматривать этнокультурную идентичность в её целостности, а не акцентировать внимание лишь на отдельных её аспектах.

Сравнение выраженности категорий, не репрезентирующих непосредственно этнокультурную идентичность, по регионам выявило тенденции к различиям в иерархии элементов, обусловленные региональной спецификой, и тем самым демонстрирующие особенности идентичности, связанные с конкретным социокультурным контекстом. Различия касаются, главным образом, представленности таких категорий, как «семейная роль» и «профессиональная идентичность». Так, по сравнению с другими регионами, семейная роль наиболее важна для жителей Дагестана (29% от всех категорий), и наименее важна в Кемеровской области (18%), профессиональный же статус в Дагестане (15%) менее важен, как, впрочем, и в Крыму по сравнению с Кемеровской областью (20%) и особенно по сравнению с Ростовской областью (25%).

Значимых различий в представленности отдельных категорий, репрезентирующих непосредственно этно-

культурную идентичность в их представленности по регионам не наблюдается, в то же время выявились определенные тенденции. Относительно более выражены по сравнению с другими регионами религиозная идентичность в Дагестане и региональная идентичность в

Рисунок 2. Распределение ответов по выделенным категориям контент-анализа (в %, по субъектам Федерации, по пяти ответам)

Крыму (рис. 2). Большие размеры выборки позволят подтвердить или опровергнуть наличие подобных различий.

Категория «мой народ» в обыденном сознании россиян. Значимость таких категорий, как этническая группа, национальность, нация, народ, очень высока в контексте определения личностью своей принадлежности к группе на основе разделяемых ею (личностью) общих с группой признаков. В то же время, употребление этих категорий страдает отсутствием опреде-

---

ленности при обсуждении их как в различных теоретических подходах в рамках одной дисциплины, так и в разных отраслях гуманитарного знания (антропологии, этнологии, социологии, политологии, философии, психологии и т.д.). Как уже упоминалось, большинство взглядов в этой области укладывается в одну из двух концепций — примордиалистское понимание данных категорий vs конструктивистское или инструменталистское.

Понятие «народ» в научной литературе также употребляется, главным образом, в двух значениях: как всё население конкретной страны, или как общность людей, объединённых рядом признаков, связанных с языком, культурой, историей и т.д. (Новая философская энциклопедия, 2010). Во втором случае, существуют также различные взгляды на то, какие именно признаки являются основополагающими для формирования принадлежности к конкретному народу.

В обыденном сознании эти категории также наполняются различным смыслом, так как их формирование опосредуется конкретными социокультурными условиями. Рассмотрение семантического поля, связанного с этими понятиями в сознании россиян, позволит выявить, какие именно критерии являются основополагающими в процессе идентификации себя с определенной общностью. Респондентам было предложено выбрать наиболее подходящее с их точки зрения описание понятия «мой народ». Предлагалось выбрать один ответ из шести вариантов, либо предложить свой собственный ответ в случае отсутствия подходящего варианта. В соответствии с двумя основными значениями слова «народ», в нескольких вариантах ответов

это понятие было связано с национальностью, тогда как другие варианты связывали народ со страной проживания:

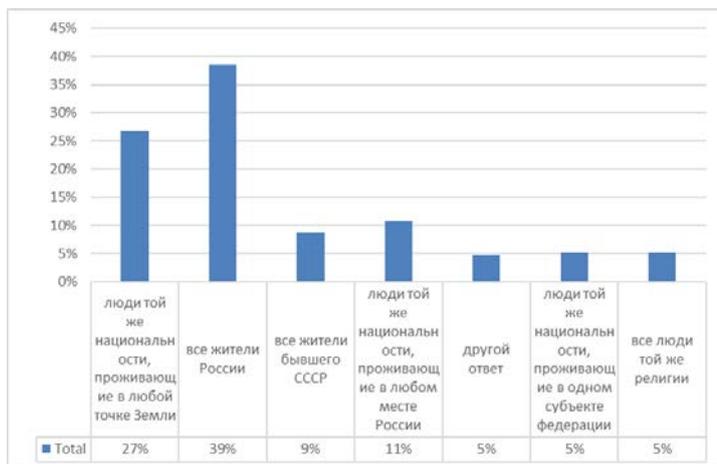
1. Все жители России
2. Все люди, проживающие на бывшей территории Советского Союза
3. Люди моей национальности, проживающие в любом месте России
4. Люди моей национальности, проживающие исключительно в моем субъекте РФ (республике, крае, области)
5. Люди моей национальности, проживающие в любой точке Земли
6. Все люди, исповедующие ту же религию, что и я
7. Другой ответ (что именно)

Анализ результатов показал, что в понимании того, что такое «Мой народ», опрошенные практически поровну разделились на тех, кто связывает это понятие со страной (48%), и тех, кто связывает его с национальностью (43%) (рис. 3).

В первую группу (ориентированных скорее на отождествление себя с жителями страны) вошли как те респонденты, которые выбрали ответ «все жители России» (39%), так и те, кто считает своим народом всех жителей бывшего СССР (9%).

Сравнение результатов по регионам показало, что наибольшее число респондентов, считающих своим народом всех жителей России, — в Ростовской области (более половины), а наименьшее — в Республике Крым, где этот ответ дали чуть более 20% (рис. 4). При этом жители Крыма чаще, чем жители дру-

гих регионов, связывали понятие «мой народ» со всеми жителями бывшего СССР (анализ результатов по возрастным группам ожидаемо показал, что преимущественно, это ответ выбирали респонденты из старшей возрастной группы). Данный факт может

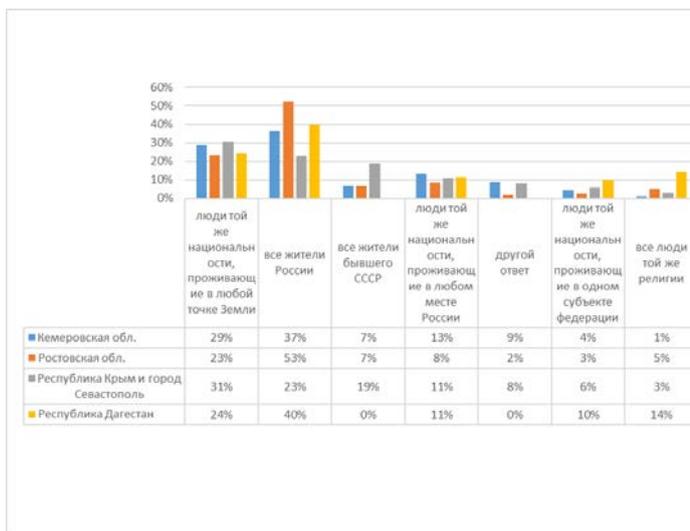
Рисунок 3. Распределение вариантов ответов, выбранных респондентами для описания понятия «Мой народ» (в %, по всей выборке)

объясняться как происходящими трансформациями идентичности крымчан под влиянием текущих геополитических событий, связанных со сменой статуса Республики Крым в результате проведенного в 2014 году референдума, так и историческим прошлым этого региона, русскоязычное население которого после распада Советского Союза могло стремиться к сохранению советской идентичности, отождествляя себя с более глобальной общностью, чем украинский народ.

Также можно отметить, что в Дагестане по сравнению с другими регионами больше опрошенных в понятие «мой народ» вкладывают прежде всего религию, хотя их число относительно невелико (14%). Во всех регионах, кроме Дагестана, небольшая часть опрошенных продолжает считать своим народом всех жителей бывшего СССР. В Дагестане, по-видимому, даже представители старшей возрастной категории, уже утратили советскую идентичность.

Понятие «Родина» в сознании россиян. То, что для человека означает понятие «родина», как и понятие «мой народ», свидетельствует о том, с какой именно общностью идентифицирует себя человек. Эта общность проживает на одной территории и объединена различными связями – культурными, экономическими и т.д. Значение этого слова может наполняться разным личностным смыслом в зависимости от индивидуальных и групповых особенностей, что помогает косвенно понять, с какой именно общностью в большей степени идентифицируется человек или группа людей.

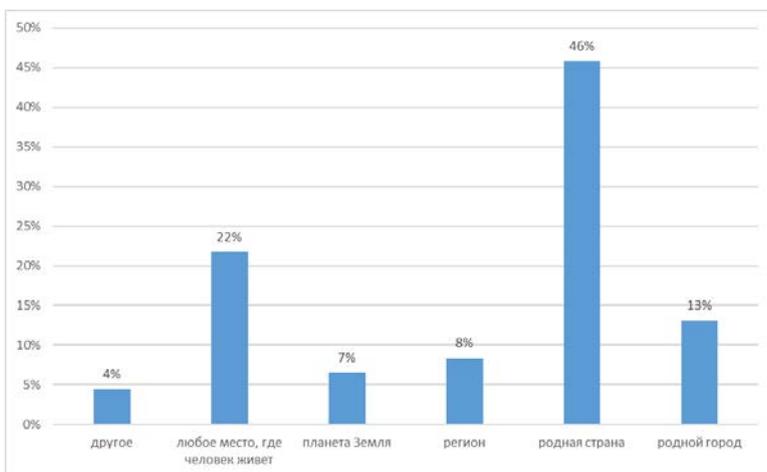
Большинство респондентов (67%) связывают понятие «родина», в соответствии с его этимологией, с местом рождения в узком или более широком смысле слова: при этом 46% респондентов прежде всего имеют ввиду родную страну, 13% — родной город/село и еще 8% — регион (рис. 5). Около трети опрошенных на вопрос о родине дают ответы, которые можно считать «космополитичными»: планета Земля (7%) и любое место, где человек живет (22%). Сравнительный анализ по возрастным группам показал, что эта тенденция характерна для молодого поколения.

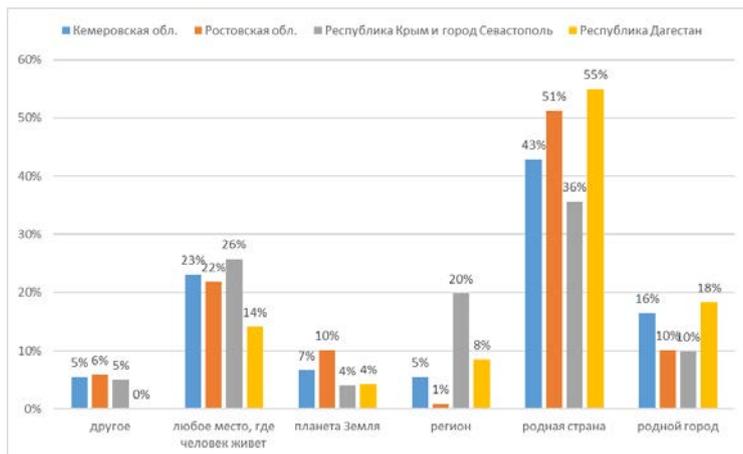
Рисунок 4. Распределение вариантов ответов, выбранных респондентами для описания понятия «мой народ» (в %, в каждом из субъектов Федерации)

Особого внимания вновь заслуживают результаты (рис. 6), полученные в Республике Крым, где значительно реже, чем в других регионах, родина ассоциируется с родной страной, и намного чаще — с регионом, что также объясняется специфической ситуацией, в которой оказались жители Крыма, как и результаты, полученные при анализе представлений ассоциаций респондентов с понятием «мой народ».

Обращает на себя внимание тот факт, что в Республике Дагестан понятие родины чаще ассоциируется с местом рождения, чем по всей выборке — эти ответы выбирают более 80% респондентов, а «космополитов» в Дагестане меньше, чем в других регионах — 18%.

Рисунок 5. Распределение вариантов ответов, выбранных респондентами для описания понятия «моя родина» (в %, по всей выборке)

Рисунок 6. Распределение вариантов ответов, выбранных респондентами для описания понятия «моя родина» (в %, в каждом из субъектов Федерации)

Заключение

Анализ результатов показал, что идентичность россиян во всех регионах проведения исследования имеет существенные сходства в том, что касается когнитивного компонента как идентичности в целом, так и этнокультурной идентичности. Так, для всех россиян в системе идентичности оказываются важными такие элементы, как семейная роль, профессиональная идентичность и общечеловеческая идентичность и значительно меньшую роль играют гендерная идентичность и индивидуально-личностные особенности. В том, что касается различных аспектов этнокультурной идентичности, в совокупности её элементы занимают промежуточное место в иерархии других элементов.

В то же время сравнение результатов по регионам позволило выявить ряд тенденций к различиям в самокатегоризации респондентов в зависимости от конкретных социокультурных условий и региональной специфики. Когнитивный компонент этнокультурной идентичности имеет больше сходства у респондентов, проживающих в одних регионах и характеризуется большими различиями – в других. Результаты исследования выявили следующие тенденции, характеризующие когнитивный компонент этнокультурной идентичности респондентов в разных субъектах Федерации:

– наибольшее сходство между собой имеют результаты, полученные в Ростовской и Кемеровской областях, а наибольшей спецификой

отличаются результаты в Республике Дагестан и в Республике Крым;

– в Республике Крым в системе этнокультурной идентичности более важное место по сравнению с представителями других субъектов Федерации занимает региональный аспект, и менее важное – связанный с общероссийской принадлежностью;

– в Республике Дагестан относительно других регионов в системе этнокультурной идентичности более важное место в иерархии элементов занимает религиозная идентичность.

Результаты могут объясняться различиями в социокультурных условиях, характерных для разных субъектов Федерации. Объективные условия в Ростовской и Кемеровской областях (несмотря на имеющиеся различия – географические, климатические, социокультурные) имеют ряд общих черт, связанных с этническим, лингвистическим, конфессиональным и т.д. составом населения. Социокультурная ситуация в Республике Дагестан и Республике Крым характеризуется большей спецификой. Так, религия в Дагестане, где подавляющая часть населения исповедует ислам, является связующим звеном между многочисленными народностями, испокон веков проживающими на территории Республики, именно поэтому религиозный элемент занимает более важное место в иерархии идентичности по сравнению с другими регионами. Если особенности идентичности даге-

---

станцев определяются, в первую очередь, исторически сложившейся в регионе ситуацией, то этнокультурная идентичность жителей Крыма, в особенности, гражданская, переживает глубокие трансформации, обусловленные текущим моментом, связанным с изменившимся геополитическим статусом региона. Именно поэтому на данном этапе региональный элемент в коллективной идентичности крымчан занимает столь важное место, демонстрируя в первую очередь единство всех проживающих в Крыму людей, а затем уже (хотя и выраженную) лояльность России.

В данной статье акцент был сделан на изучении влияния социокультурных условий в сравниваемых субъектах Федерации на формирование этнокультурной идентичности проживающих в них россиян. Могут обнаружиться не менее важные различия в самокатегоризации россиян, которые определяются влиянием других переменных – например, возрастом, принадлежностью к этническим меньшинствам в месте своего проживания, опытом межкультурного взаимодействия, уровнем образования и т.д.

Полученные результаты подтверждают важность пересмотра концептуальных подходов к изучению идентичности в её взаимосвязи с культурой. Важным шагом на пути такого пересмотра, на наш взгляд, может стать опора как при теоретическом рассмотрении проблемы, так и при организации эмпирических исследований, на понятие «этнокультурная идентичность», а не на от-

дельные, вырванные из общей системы идентичности, элементы. Исследование отдельных аспектов – этнической, языковой, национальной, гражданской, расовой, религиозной, культурной и т.д. идентичностей – теряет смысл в условиях высокого этнокультурного разнообразия, где эти идентичности входят в общую систему этнокультурной идентичности, представляющей собой с позиций постнеклассической методологии сложную саморазвивающуюся систему.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 288 с.

Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 560 с.

Новая философская энциклопедия: в 4 т (2010). / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль.

Степин В.С. (2000). Теоретическое знание. Структура. Историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция.

Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход//Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 341-359.

Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И.

-
- Пильщикова. — М.: Новое издательство, 2006. — 200 с.
- Ashmore, R., Deaux, K., and McLaughlin-Volpe, T. (2004). An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality. *Psychological Bulletin*, 130, 80-114.
- Barth, F. (1969). Introduction. In F. Barth (Ed.), *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference* (pp. 9–38). Boston, MA: Little, Brown and Company.
- Brubaker, R., Loveman, M., &Stamatov, P. (2004). Ethnicity as cognition. *Theory and Society*, 33, 31–64.
- Hadaway, C. Kirk, Marler Penny L. (2005) How many Americans Attend Worship Each Week? An Alternative Approach to Measurement. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 44/3, pp. 307-322.
- Jenkins, R. (1997). *Rethinking ethnicity: Arguments and explorations*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Kuhn, M.H. (1960), *Self-Attitudes by Age, Sex, and Professional Training* // *Sociological Quarterly*, 1: 39–54. doi: 10.1111/j.1533-8525.1960.tb01459.x
- Kuhn, M.H. and McPartland, T.S. (1954). An empirical investigation of self-attitudes. *American Sociological Review*, 19(1), 68-76.
- Markus, H. R., &Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. // *Psychological Review*, 98, 224–253.
- McAndrew S. &Voas D. (2011). *Measuring Religiosity Using Surveys*, Gallup, August 31, 2010. (http://www.surveynet.ac.uk/sqb/topics/religion/sqb_religion_mcandrew_voas.pdf)

- Okamura, J. (1981). Situational ethnicity. *Ethnic and Racial Studies*, 4, 452–465. <http://dx.doi.org/10.1080/01419870.1981.9993351>
- Phinney, J. S., & Ong, A. D. (2007). Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. // *Journal of Counseling Psychology*, 54, 271–281.
- Roth, W. (2015). Studying ethnic schemas: Integrating cognitive schemas into ethnicity research through photo elicitation // *Studying Ethnic Identity: Methodological and Conceptual Approaches across Disciplines*, C. E. Santos and A. J. Umaña-Taylor (Editors), pp.89-118.
- Syed, M., Walker, L. H., Lee, R. M., Umaña-Taylor, A. J., Zamboanga, B. L., Schwartz, S. J., Huynh, Q. L. (2013). A two-factor model of ethnic identity exploration: Implications for identity coherence and well-being. // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 19, 143–154.
- Tajfel, H. (1981). *Human groups and social categories*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tajfel, H., & Turner, J. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. // In W. Austin & S. Worchel (Eds.), *Psychology of intergroup relations*, 2nd ed., pp. 7–24. Chicago, IL: Nelson-Hall.
- Turner J. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior//*Advances in-group processes* / Ed. by E.J.Lawler. Greenwich:JAI Press, 1985, Vol., p. 77-122.
- Turner J.C. A self-categorization theory. In:TurnerJ.C.,Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D. &Wetherel M.S. (Eds) *Redis-covering the Social*

Group: A Self-Categorization Theory. Oxford: Basil Blackwell, 1987, pp.42-67.

Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. Rediscovering the social group. A self-categorization theory. Oxford: Basil Blackwell. 1987.

Turner J.C., Onorato R.S. Social identity, personality and the self-concept: A self-categorization perspective//The psychology of the social self / Ed. by T.R.Tyler, R. Kramer, O.John. Hilldale (NY): Lawrence Erlbaum, 1999, p. 11-46.

**COMPARATIVE RESULTS OF RESEARCH OF
COGNITIVE COMPONENT OF
ETHNOCULTURAL IDENTITY IN FOUR
REGIONS OF RUSSIAN FEDERATION:
GENERAL AND SPECIFIC**

**Ludmila A. Shaigerova, Yury P. Zinchenko,
Roman S. Shilko, Alexander Y. Kipiani,
Olga V. Vakhantzeva**

Lomonosov Moscow State University

Abstract. This article presents results of the pilot research directed to studying of ethno-cultural identity, conducted in four regions, located in the various federal districts of Russian Federation. The main attention was focused on the study of the cognitive component in the structure of Russians' ethno-cultural identity, taking into account regional specificities. It has been shown that in the conditions of cultural, ethnic and religious diversity of contemporary Russian society the content of ethno-cultural identity is determined as the all-Russian context as the specifics of socio-cultural situation in certain regions.

Keywords: ethno-cultural identity, cognitive component, self-categorization, ethnically diverse society